

9. Лобатинський С. Рух уніатів до православ'я в Брацлавщині при переяславських єпископах Гервасії та Іові (1757-1776 рр.) / С. Лобатинський // ПЕВ. – 1877. – Ч.н. – № 13. – С.359-367.
10. Лобатинський С. Церковно-адміністративна діяльність преосвященного Іова, єпископа Переяславського и Бориспільського на Брацлавщині (1770-1776 рр.) / С. Лобатинський // ПЕВ. – 1890. – Ч.н. – № 2. – С.494-498.
11. Опря А.В. Ліквідація уніатської церкви на Поділлі наприкінці XVIII-у першій половині XIX ст. / А. Опря // Наукові праці Кам'янець-Подільського педагогічного університету. Історичні науки. – Кам'янець-Подільський, 1999. – Т.3(5). – С.89-95.
12. Сіцінський Ю. До історії унії на Поділлі / Ю. Сіцінський // ПЕВ. – 1889. – Ч.н. – № 20. – С.455-463.
13. Чистович И. Очерк истории Западно-Русской церкви / И. Чистович. – СПб., 1884.
14. Яворовський М. Пам'ятки уніатсько-церковної діяльності в кінці минулого і на початку теперішнього століття / М. Яворовський // ПЕВ. – 1889. – Ч.н. – № 6. – С.141-153.

The article analyzes the materials magazine «Podolskye eparhyalnye Gazette» on the activities of the Uniate Church on the tail, defined information content of these publications.

Key words: *Uniate Church, the priest, “Podolskye eparhyalnye Gazette”.*

Отримано: 16.10.2012

УДК 398.23«18/19»:930.1

А. А. Демичев

АНЕКДОТ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье анализируется комплекс российских анекдотов второй половины XIX – начала XX в. как источник изучения истории повседневности. Автор на основе анекдотов реконструирует некоторые черты повседневной жизни городского населения.

Ключевые слова: *анекдот, исторический источник, история повседневности.*

Постановка проблеми. Изучение истории повседневности является делом достаточно сложным. С одной стороны, это обуславливается самой многогранностью жизни, множественностью ее оттенков и проявлений. С другой – многочисленностью источников, ее отражающей, а также спецификой каждой их разновидности.

В данной статье мы попытаемся на основе изучения только одного вида исторического источника – анекдота второй половины XIX – начала XX в. – выявить некоторые аспекты повседневной жизни соответствующего периода.

При этом в наши задачи не входит «вытягивание» всей возможной информации о повседневной жизни из анекдотов. Анекдот нами в рамках источниковедческой парадигмы методологии истории (феноменологической концепции источниковеде-

ния) рассматривается как одно из методологических полей познания «другого» – человека прошлого.

В фактографическом плане анекдот значительно менее информативен, чем многие другие источники. Фактическая информация, в нем содержащаяся, носит отрывочный характер, нередко в анекдотах содержатся и прямые ошибки. Это обусловлено тем, что в силу специфики жанра анекдот далеко не адекватно отражает объективную реальность прошлого, он не позволяет создать целостной картины даже отдельного эпизода исторической действительности, он фрагментарен и отрывочен. Тем не менее, ценность анекдота как исторического источника высока при исследовании двух проблем: менталитета населения (здесь на первый план выходит аксиологический аспект информативности анекдота) и истории повседневности.

В рамках данной работы нас интересует только второе из названных направлений. Обратим внимание, что анекдот не отличается богатством фактического материала, тем не менее, содержащаяся в нем информация о повседневной жизни горожан, носит объективный характер, хотя сам по себе анекдот как исторический источник субъективен в большей степени, нежели, например, законодательные, делопроизводственные, статистические материалы.

Сознавая, что пласт анекдотов второй половины XIX – начала XX в. достаточно большой, мы намеренно сужаем рамки исследования следующими оговорками.

Во-первых, нами рассматривается не вся совокупность анекдотов, а только такая их разновидность, как анекдот юридический. Не будем в данном случае подробно обосновывать свой выбор. Обратим внимание лишь на то, что, как правило, юридическая сфера – это сфера конфликта, столкновения интересов. В первую очередь, интересов бытовых, вытекающих из особенностей повседневной жизни. Все внимание авторов и рассказчиков юридического анекдота концентрируется на деталях спора, конкретной ситуации. При этом внимания на ряд второстепенных (для авторов и рассказчиков) черт-элементов реальности внимания практически не обращается. Для исследователя это, по нашему мнению, момент положительный. Дело в том, что информация, дающая возможность ученому исследовать повседневность, закладывается здесь произвольно и не подвергается какой-либо внутренней или внешней редактуре.

Во-вторых, в качестве эмпирической базы берутся только российские анекдоты, так как их комплекс достаточно широк. Региональный подход к отбору материалов ни коим образом не влияет на методологические установки исследования и теоретические выводы, касающиеся анекдота как источника изучения повседневной жизни.

В-третьих, хронологически берется только пласт пореформенных анекдотов. Это обусловлено тем, что анекдот в его современном понимании, как короткий смешной рассказ, появляется

в России с 1860-х гг. И его возникновение связано со сдвигами, произошедшими в массовом сознании в связи с «Великими реформами» Александра II. В первую очередь, конечно, с крестьянской реформой, приведшей к изменению общественного строя, системы социальных взаимоотношений и повлекшей за собой целый комплекс взаимосвязанных преобразований.

В-четвертых, анекдот – порождение городской среды, разновидность жанра городского фольклора. Именно по этой причине он отражает повседневную жизнь только горожан, а не всех слоев населения.

До настоящего времени анекдот не рассматривался в качестве источника изучения истории повседневности [1]. По-видимому, это связано с тем, что исторических источников второй половины XIX – начала XX в. достаточно много и в видовом и в количественном измерении. И анекдот в этой источниковедческой ситуации не рассматривается в качестве «серьезного» источника изучения прошлого, в том числе и повседневной жизни горожан.

Целью данной статьи является попытка реконструирования на основе изучения комплекса анекдотов второй половины XIX – начала XX в. некоторых черт повседневной жизни российских горожан.

Остановимся на проблеме, насколько дореволюционный юридический анекдот информативен в плане изучения истории повседневности.

Наличие десятков анекдотов, посвященных мировому суду, суду присяжных, деятельности адвокатов и пр. свидетельствует о том, что право со второй половины XIX в. входит достаточно явно в жизнь российских подданных. Можно ли говорить, что суд становится обычным явлением повседневности? Вряд ли. Однако он перестает быть и экстраординарным явлением, причем явлением со знаком «минус» [2]. По крайней мере, все чаще поданные Российской империи в пореформенный период стали обращаться за защитой своих нарушенных прав именно в суд.

Как уже говорилось ранее, юридический анекдот обычно отражает конфликтную ситуацию. Этот вид исторического источника позволяет нам увидеть, что становилось предметом спора, конфликта, судебного разбирательства для жителей позапрошлого и начала прошлого века, а также соответствуют ли ценности наших предков ценностям современным.

Следует разделять конфликты гражданско-правового и уголовно-правового характера. В жизни, конечно, гражданских споров было значительно больше, чем уголовных преступлений, однако на уровне анекдотов последние наши более широкое отражение. Это обусловлено, по нашему мнению, тем, что, с одной стороны, особенности психологии человека таковы, что лучше запоминаются явления более редкие, с другой – именно уголовные преступления вызывали наибольший общественный резонанс.

Тем не менее, анекдоты отразили и конфликты гражданско-правового характера. К сожалению, объем данной статьи не позволяет привести многочисленные примеры анекдотов, подтверждающих

тот или иной тезис, поэтому в качестве иллюстративного материала использованы лишь наиболее характерные истории. Оговоримся, что нас интересует не отношение современников к той или иной ситуации и ее действующим лицам, не то, как разрешился конкретный спор, справедлив или не справедлив оказался судья в описываемом эпизоде, а факты исторической действительности, отраженные в анекдоте, ставшие фактом исторического источника.

Анекдот № 1 [3, с.156-157]: *Как-то раз явились к нему [мировому судье А.И. Трофимову] 15 штукатуров с постройки подрядчика А., возводившего пятиэтажное здание на Николаевской улице.*

– Что, братцы, хорошего скажете? – Обратился к ним судья, только усевшись к судейскому столу перед разбирательством дел.

– Да вот, жалиться пришли.

– На кого жалиться-то будете?

– Да на подрядчика нашего.

– Что же он, вздул, что ли, кого из вас?

– Чаво вздул!.. Хуже: жрать не дает.

– Нну?! Так-таки и не дает?

– Вот-те Христос! Ни жрать не дает, ни деньгами не рассчитывает... Такой, прости Господи, озорник, что беда.

– А книжки-то у вас есть подрядные?

– Есть... Вот оне.

Рабочие подали ему книжки.

– Ну, хорошо, приходите все послезавтра, я вашего подрядчика вызову и заставлю его заплатить вам.

Мужики низко поклонились, но вместо того, чтобы уходить, начали топтаться на месте и почесывать затылки.

– Ну, что же вам, братцы, еще? – спросил их Трофимов.

– Да как тебе, ваше благородие, сказать? Жрать нечего, вот что! Второй день не евши ходим, а в лавке в долг не верят, – осмелился сказать один из мужиков, побойчее который.

– Так что же, денег вам что ли дать? – спросил судья с ласковою улыбкою.

– Оно, конечно, дело, ежели милость твоя будет...

– Да на 15 человек на два дня, по три гривны на рыло в день.

Александр Николаевич пошарил у себя в бумажнике...

– Федор! – крикнул он сторожу, – Сходи ко мне в квартиру и попроси у жены моей 9 рублей в долг для мужиков. Скажи, что завтра возвратят.

Рабочим выдали по 60 коп. на харчи на человека, а через два дня Трофимов взыскал в их пользу с подрядчика А. их заработную плату.

Данный анекдот свидетельствует, что и в XIX – начале XX в. имели место конфликты, связанные с задержкой выплаты заработанных денег. Интересно, что рабочие не остались безмолвными, а обратились за восстановлением справедливости, защитой своих нарушенных прав к мировому судье.

Проблема оказания некачественных услуг также, по-видимому, является одной из «вечных» бед (см. анекдот № 2) [3, с.159]:

Какой-то мозольный оператор, немец, подал А[лександр]у И[ванович]у [Трофимову] иск к сапожнику, тоже немцу, в 15 рублей за убытки.

Дело в том, что сапожник сделал мозольному оператору пару сапог до того узких, что мозольный оператор натер себе ноги и два дня не мог выходить из дома, вследствие чего он и просил взыскать с сапожника 15 рублей убытков.

С своей стороны сапожник требовал с мозольного оператора за сапоги 15 рублей.

– Я совсем не понимаю! – воскликнул оператор, – Я на вас пошел сапог, вы не взяли его...

– Я не взял оттого, что вы зарезали сапоги ножницами, – ответил сапожник.

– Я вижу господа, что вы оба взялись не за свои дела: вы – сапожник, а вместо того, чтобы делать сапоги, делаете мозоли вашим заказчикам; а вы – мозольный оператор, и вместо того, чтобы резать мозоли, режете сапоги, за которые вы еще денег не заплатили.

И затем постановил: взыскать с мозольного оператора 15 рублей в пользу сапожника.

В приведенном выше анекдоте можно заметить одну интересную особенность – обе стороны конфликта – немцы. Данный факт свидетельствует не о том, что немцы оказывали, в том числе и друг другу, некачественные услуги, а что именно представители этой национальности не считали зазорным обратиться в суд (см. также анекдот № 4). Причем не из-за безысходности, как в анекдоте № 1, а чтобы «не упустить свое».

Судя по анекдотам, конфликты между домовладельцами и квартиросъемщиками тоже не были редким явлением, как, впрочем, и сам наем жилых помещений.

Анекдот № 3 [3, с.159]: Домовладелец Ш. взыскивал с жильца 32 рубля за квартиру. Управляющий домовладельца явился в суд его поверенным.

– Как же вы взыскиваете с жильца 32 рубля, когда по квартирной книжке вам следует только 24 рубля? – спросил судья [А.И. Трофимов] у поверенного.

– А дров-то сколько они сожгли?

– Что вы говорите? – переспросил судья.

– Я говорю: а дров-то сколько они сожгли? – повторил поверенный.

– Каких одров они сожгли? Привыкли вы с домовладельцев своим жильцам шкуры сдирать, как с одров, и мерещатся везде одры.

И постановил вместо 32 рублей взыскать в пользу домовладельца только 24 рубля.

Кстати, анекдот № 3 дает возможность нам узнать, что договоры найма жилого помещения оформлялись документально, заводилась особая квартирная книжка, и, скорее всего, это представляло собой нормальную практику.

Еще целый ряд анекдотов засвидетельствовал факты уничтожения чужой собственности, банкротства и других гражданских конфликтов. Конечно, в повседневной жизни не могло обойтись без оскорблений. Некоторые анекдоты донесли до нас их примеры: от банального «скотина» до изошренно продуманных, как в истории № 4 [4, с.30-31]: Судья:

– Господин К., Вы обвиняетесь в том, что вследствие ссоры с Вашим соседом немцем Шмидтом назвали свою собаку его фамилией и назло ему то и дело ее так зовете с добавлением разных прозвищ.

Обвиняемый:

– Извините, г-н судья, тут есть свой фокус. Спору нет, что я назвал так мою собаку, но мой сосед Шмит пишется через «т», а моя собака Шмидт пишется через «д», а это большая разница.

В сфере уголовно-правовых отношений анекдоты отразили богатый набор преступлений. До нас дошли многочисленные анекдоты, в которых идет речь о кражах, драках, убийствах, изнасилованиях, мошенничестве.

Анекдот № 5 [4, с.18]: *Один адвокат, обеляя бесчинного богатого купца, попавшегося на драке с буфетчиком, называет своего клиента из почтения не иначе, как подобострастным «они-с». А.И. Трофимов долго слушает его с усмешкой и, наконец, прерывает:*

– Да, что Вы мне все про анис, да про анис толкуете! Тут, батюшка, не анисом, а кутузкой пахнет!

В анекдоте № 5 обыгрывается игра слов. Именно в ней и заключается «соль» анекдота. При этом драка, ставшая предметом судебного разбирательства, воспринимается автором истории как нечто обыденное, само по себе не заслуживающее особенного внимания.

Следующий анекдот не только свидетельствует, что и наши предки сталкивались с кражами, но и хорошо характеризует психологию наглого воришки, пытающегося убедить судью в своей невинности.

Анекдот № 6 [4, с.23]: *– Иванов! Вы обвиняетесь в краже лисей ротонды. Что Вы скажете в свое оправдание?*

– Меня обвинять в воровстве? Помилуйте, господин мировой судья! Я человек безупречной честности и вдруг стану вором! Тут произошло недоразумение: я по ошибке взял чужую вещь и с удовольствием возвращу ее...

– Но как же Вы могли чужую вещь принять за свою?

– Меня вензеля смутили: на ложках были мои инициалы... простая ошибка!

– Позвольте, причем же тут ложки? Вас обвиняют в краже ротонды!

– Ах, виноват. Я свои защитительные речи перепутал: о ложках мне завтра в 23-м мировом участке придется говорить...

Отмечаются в анекдотах и такие черты повседневной жизни как взяточничество, пьянство и пьяные драки. Анекдот № 7 констатирует любопытный факт – в том, чтобы «выпить для храб-

рости» наши предки не видели ничего зазорного. Даже если речь шла о последующей явке в суд для дачи показаний в качестве обвиняемого [4, с.31]:

Действие происходит в камере мирового судьи. Судья вызывает обвиняемого. После обычных вопросов об имени, звании и вероисповедании судья предлагает вопрос:

– Под судом не были?

Обвиняемый корчит умильную физиономию и молчит.

– Что же Вы молчите? – спрашивает судья, повышая голос. – Я спрашиваю, под судом не были?

– На одну минуточку-с! – ухмыляясь, говорит обвиняемый.

– Как на одну минуточку? – удивляется судья.

– Так точно-с! Всего на единую, по одной только и пропустили, – щелкая себя по галстуку, говорит подсудимый.

В публике смех; судья недоумевает. В конце концов, дело разъяснилось. Оказалось, что в подвале здания, где помещался суд, находится кабачок. Перед началом дела обвиняемый, побуждаемый своим «аблокатором», и зашел в этот кабачок «пропустить для храбрости».

Отношения между полами – неотъемлемая часть повседневной жизни. По этой причине гендерный аспект не мог не отразиться в анекдотах. Из анекдотов можно узнать, о половозрастном составе преступности, можно выявить, от каких правонарушений больше страдали представители мужского пола, а от каких – женского. Анекдоты позволяют утверждать, что, по-видимому, не таким уж редким был факт побоев мужем собственной жены (см. анекдот № 8) [4, с.16]: Судья:

– Ну, так как же было дело, расскажите.

Ответчик:

– Видите ли, жена моя и я немножко повздорили, поругались, я говорил с ней самым резонным образом, но Вы думаете, это подействовало на нее? Ни мало! Тогда в гневе моем и раздражении я беру палку, ну, конечно, только чтобы пойти прогуляться и успокоиться, но когда жена увидела, что я взял палку, она вдруг сделалась ласковой и дружелюбной. Так было дело, г-н судья, а больше ничего и не было!

Судья:

– Однако жена Ваша жалуется, что Вы ее избили, и просит развода!

Ответчик:

– Она просит развода?! Ну, это другое дело! Я на это вполне согласен, г-н судья, и сознаюсь, что я побил ее!

Судья:

– Но этой причины, что Вы раз побили ее, для развода недостаточно.

Ответчик:

– Недостаточно? Знаете что, г-н судья, если позволите, я побегу домой и вздую ее хорошенько еще раз!

Кстати, анекдот № 8 в совокупности с другими историями позволяет почерпнуть информацию, касающуюся сферы семейных отношений. Обратим внимание, что побои не рассматриваются рассказчиком анекдота как нечто экстраординарное, а сам сюжет, вероятно, должен был восприниматься слушателями как нечто забавное. О том, что многие мужья не особо ценили своих жен, свидетельствует то, что мужчина с радостью подхватывает идею развода. Высказанный тезис подтверждает и отразившиеся в анекдотах факты многоженства.

Анекдот № 9 [4, с.19-20]: *На скамье подсудимых обвиняемый в троеженстве. Его защитник произнес следующую речь:*

– Господа присяжные заседатели! Клиент мой обвиняется в троеженстве. Рассмотрев это возведенное на него обвинение, нельзя не прийти к заключению в полной его неосновательности. Рассудите сами. Первый брак моего клиента был действительный, второй таким считаться не может, как заключенный при жизни первой жены; что же касается третьего, то он совершенно законен, т.к. первая жена моего клиента умерла, а недействительность второго брака признает и сам представитель обвинительной власти.

Присяжные оправдали подсудимого.

Обращение к услугам проституток, да и вообще широкое распространение этого явления, зафиксированное, в том числе, и на уровне фольклорной традиции (см. анекдот № 10) также говорит о специфическом отношении горожан к семейным ценностям [5].

Защищает он [Федор Никифорович Плевако] мужика, которого проститутка обвинила в изнасиловании и пытается по суду получить с него значительную сумму за нанесенную травму. Обстоятельства дела: истица утверждает, что ответчик завлек ее в гостиничный номер и там изнасиловал. Мужик же заявляет, что все было по доброму согласию. Последнее слово за Плевако.

«Господа присяжные!» – заявляет он. «Если вы присудите моему подзащитного к штрафу, то прошу из этой суммы вычесть стоимость стирки простынь, которые истица запачкала своими туфлями».

Проститутка вскакивает и кричит: «Неправда! Туфли я сняла!!!».

В зале хохот. Подзащитный оправдан.

Анекдоты изучаемого периода в некоторой мере позволяют увидеть, какую одежду и обувь носили горожане. Конечно, сведения эти очень отрывочны. Тем не менее, можно утверждать, что мужчины носили сапоги, женщины – туфли. Населению были известны такие предметы туалета как галстуки, носовые платки и пр. Мужчины, естественно, носили брюки. Простые горожане нередко ходили в чуйках (разновидность длиннополой верхней одежды).

Представители купеческого сословия (особенно старообрядцы) носили бороды. Среди аксессуаров большой популярностью у образованной публики пользовались портфели и наручные часы.

При этом наиболее дорогими и престижными были не просто золотые часы, а «мозеровские» (изготовленные фирмой «Мозер»). Так один из героев следующего анекдота с гордостью заявляет: «А я всегда считал свои часы очень точными, ведь они у меня золотые, мозеровские». Анекдот № 11 [6, с.159-160]:

Однажды Плевако защищал владелицу небольшой лавчонки, полуграмотную женщину, нарушившую правила о часах торговли и закрывшей торговлю на 20 минут позже, чем было положено, накануне какого-то религиозного праздника. Заседание суда было назначено на 10 часов. Суд вышел с опозданием на 10 минут. Все были налицо, кроме защитника – Плевако. Председатель суда распорядился разыскать Плевако. Минут через 10 Плевако, не торопясь, вошел в зал, спокойно уселся на месте защиты и раскрыл портфель. Председатель суда сделал ему замечание за опоздание. Тогда Плевако вытащил часы, посмотрел на них и заявил, что на его часах только пять минут одиннадцатого. Председатель указал ему, что на стенных часах уже 20 минут одиннадцатого. Плевако спросил председателя:

– А сколько на ваших часах, ваше превосходительство?

Председатель посмотрел и ответил:

– На моих 15 минут одиннадцатого.

Плевако обратился к прокурору:

– А на ваших часах, господин прокурор?

Прокурор, явно желая причинить защитнику неприятность, с ехидной улыбкой ответил:

– На моих часах уже 25 минут одиннадцатого.

Он не мог знать, какую ловушку подстроил ему Плевако и как сильно он, прокурор, помог защите.

Судебное следствие закончилось очень быстро. Свидетели подтвердили, что подсудимая закрыла лавочку с опозданием на 20 минут. Прокурор просил признать ее виновной. Слово было предоставлено Плевако. Речь длилась две минуты. Он заявил:

– Подсудимая действительно опоздала на 20 минут. Но, господа присяжные заседатели, она женщина старая, малограмотная, в часах плохо разбирается. Мы с вами люди грамотные, интеллигентные. А как у нас обстоит дело с часами? Когда на стенных часах – 20 минут, у господина председателя – 15 минут, а на часах господина прокурора – 25. Конечно, самые верные часы у господина прокурора. Значит, мои часы отставали на 20 минут, и потому я на двадцать минут опоздал. А я всегда считал свои часы очень точными, ведь они у меня золотые, мозеровские.

Так если господин председатель, по часам прокурора, открыл заседание с опозданием на 15 минут, а защитник явился на 20 минут позже, то как можно требовать, чтобы малограмотная торговка имела лучшие часы и лучше разбиралась во времени, чем мы с прокурором?

Присяжные совещались одну минуту и оправдали подсудимую».

В плане описания внешнего облика провинциальных жителей показателен анекдот № 12 [7, с.96].

В Калуге, в окружном суде, разбиралось дело о банкротстве местного купца. Защитником купца, который задолжал многим, был вызван Ф.Н. Плевако. Представим себе тогдашнюю Калугу второй половины XIX века. Это русский патриархальный город с большим влиянием старообрядческого населения. Присяжные заседатели в зале – это купцы с длинными бородами, мещане в чуйках и интеллигенты доброго, христианского нрава. Здание суда было расположено напротив кафедрального собора. Шла вторая седмица Великого поста. Послушать «звезду адвокатуры» собрался весь город. Федор Никифорович, изучив дело, серьезно приготовился к защитительной речи, но «почему-то» ему не дали слова. Наконец, около 5 часов вечера председатель суда объявил:

– Слово принадлежит присяжному поверенному Феодору Никифоровичу Плевако. Неторопливо адвокат занимает свою трибуну, как вдруг в этот момент в кафедральном соборе ударили в большой колокол – к великопостной вечерне. По-московски, широким размашистым крестом Плевако совершает крестное знамение и громко читает: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности... не даждь ми. Дух же целомудрия... даруй мне... и не осуждати брата моего...». Как будто что-то произошло всех присутствующих. Все встали за присяжными. Встали и слушали молитву и судейские чины. Тихо, почти шепотом, словно находясь в храме, Ф.Н. произнес маленькую речь, совсем не ту, которую готовил: «Сейчас священник вышел из алтаря и, земно кланяясь, читает молитву о том, чтобы Господь дал нам силу «не осуждать брата своего». А мы в этот момент собрались именно для того, чтобы осудить и засудить своего брата. Господа присяжные заседатели, пойдите в совещательную комнату и там в тишине спросите свою христианскую совесть, виновен ли брат ваш, которого судите вы? Голос Божий через вашу христианскую совесть скажет вам о его невиновности. Вынесите ему справедливый приговор». Присяжные совещались пять минут, не больше. Они вернулись в зал, и старшина объявил их решение: – Нет, не виновен.

Из анекдотов можно почерпнуть информацию, какие именно напитки пили наши предки. Самым популярным в изучаемый период был, конечно, чай. Среди алкогольных напитков в разных историях называются водка, шампанское, различные вина, некоторые из которых в настоящее время не имеют широкого употребления в России (например, херес, марсала). Можно узнать, и в каких емкостях подавались эти напитки (в графинах, бутылках и др.). Анекдот дает возможность нам узнать, и для чего пили, а именно: «для храбрости», «для поддержания разговора», «для восторга» и т.д.

В приводившемся ранее анекдоте № 1 содержатся интересные сведения о том, сколько стоило пропитание. Так, один взрослый работающий мужчина мог прокормить себя всего на 30 копеек в день. Конечно, при этом следует учитывать, что покупательная способность денег во второй половине XIX-начала XX века была совсем иной, нежели сейчас.

Кроме посещения питейных заведений горожанам были известны и иные формы проведения досуга. К их числу можно отне-

сти не только игру в карты, но и посещение театров. Причем в итальянскую оперу ходили многие, но не у всех она вызывала восторг, а некоторых и вовсе в ней клонило ко сну. Хорошей иллюстрацией данному утверждению служит анекдот № 13 [4, с.18-19].

Во время заседания в камере мирового судьи Трофимова какой-то мужичок, сидя на второй скамейке, заснул, храп раздался по всей камере.

– Эй, почтенный! – сказал, Трофимов, – вставай.

Один из слушателей, рядом сидевший с мужиком, двинул его в бок.

– А-а-ась? – произносит мужик, очнувшись.

– Не спи, – говорит ему судья, – ведь ты не в итальянской опере.

Подводя итоги, отметим, что анекдот, являясь разновидностью фольклора, позволяет лучше понять «другого» – человека прошлого, но при этом он содержит пласт информации не только ментального, но и обыденно-бытового уровня. Дореволюционный анекдот представляет собой особый вид исторического источника, пусть и фрагментарно, но позволяющего изучать повседневную жизнь наших предков.

Список использованных источников:

1. В 2006 г. вышла интересная монография А.Б. Каменского «Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века» (М., 2006). Примечательно, что в ней понятие «анекдот» используется не в его принятом сегодня значении, а в смысле какого-то эпизода из жизни, небольшого логически завершено-го сюжета, своеобразного среза, зарисовки действительности. При этом слово «анекдот» встречается в указанной работе один-единственный раз – в ее названии. В целом же книга посвящена истории повседневной жизни провинциального российского городка Бежецка в XVIII веке.
2. Подробнее см.: Демичев А.А. Образ суда в дореволюционном российском анекдоте : монография / А.А. Демичев. – Н. Новгород, 2007; Он же. Судебная реформа 1864 г. в дореволюционном анекдоте (Опыт изучения российской ментальности). – М., 2012.
3. Исторические анекдоты из жизни русских государей, государственных и общественных деятелей прошлого и настоящего / сост. под ред. М. Шевлякова. – СПб., 1898.
4. Антология юридического анекдота / сост. В.М. Баранов, П.П. Баранов, З.Ш. Идрисов. – 2-е изд. – Н. Новгород, 2001.
5. http://www.orator.biz/?print=1&s=41&d_id=265.
6. Утевский Б.С. Воспоминания юриста : из неопубликованного / Б.С. Утевский. – М., 1989. – С.159-160.
7. Корнилов А. Православный адвокат / А. Корнилов // Православное слово. – Н. Новгород, 2001. – № 12.

The article analyses the complex of Russian anecdotes of the second half of XIX – beginning of XX century as a source of study of the history of everyday life. The author on the basis of anecdotes reconstructs some of the features of everyday life of the urban population.

Key words: *anecdote, historical source, the history of everyday life.*

Отримано: 19.09.2012